

УДК 304.2

В. А. Сулимов

Апофеоз воли: человек в интеллектуальной культуре современности¹

Статья посвящена исследованию переменных аспектов реализации свободы воли. Свобода воли рассматривается как один из факторов социокультурной динамики. Ее реализация зависит от социального доминирования одного из условий: воли к власти, воли к участию или воли к пониманию. Современная социокультурная эпоха (эпоха знания) требует от индивидуума преимущественной реализации «понимающей стратегии». Это приводит к трансформации черт современного человека-в-культуре.

Ключевые слова: человек-в-культуре, социокультурная динамика, стратегия понимания.

V. A. Sulimov. The apotheosis of the will: a man in the intellectual culture of our time.

The article is devoted to the study of the variable aspects of the realization of free will. Freedom of will is considered as one of the factors of socio-cultural dynamics. Its implementation depends on the social dominance of one of the ways of implementation: the will to power. The will to participate or the will to understand. The modern socio-cultural epoch (the epoch of knowledge) requires the individual to realize the «understanding strategy» primarily. This leads to the transformation of the features of modern human-in-culture.

Keywords: man-in-culture, sociocultural dynamics, understanding strategy.

Трансформация персонологических характеристик человека на протяжении длительного исторического периода (по крайней мере трех столетий), несомненно, сопряжена с изменением в связанных между собой областях знания (научного, мифологического, повседневного) и деятельности (научной, производственной, комму-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 17-13-11003 а/р РФФИ при финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми.

никативно-речевой, мыслительной, повседневной и др.). Глубинная трансформация индивидуального и социального сознания на рубеже тысячелетий, нарастающая сегодня в виде сетевых форм когнитивного взаимодействия, послужила прекращению постепенности, переходу к взрывным типам трансформации. «Хотящий», «волеющий», мотивированный человек, целенаправленная личность, кому обычно историей приписываются успехи и достижения, представляет собой не только (и не столько) многоаспектную, но — разорванную осознающую субстанцию. Эта особая (субъектная) субстанция в силу разнонаправленности мотивационного, проективного и рефлексивного (самопроективного) векторов сознания не способна противостоять бифуркационным стремлениям *independently*, и потому наделена, по Ф. Ницше, главным объединительным качеством — свободой воли. Это мощное *аттракторное* качество (говоря в терминах синергетики) становится одним из интегративных факторов личности (наряду с интеллектуализмом и аксиологической детерминированностью) еще в прошлом веке, определив его многие позитивные и негативные черты. Ф. Ницше показывает обязательность качества свободы воли для преодоления тенденций психокогнитивного распада, для примирения и последующей интеграции линейки человеческих Я: «Свобода воли» — вот слово для этого многообразного состояния удовольствия хотящего, который повелевает и в то же время сливается в одно существо с исполнителем, — который в качестве такового наслаждается совместно с ним торжеством над препятствиями, но втайне думает, будто в сущности это сама его воля побеждает препятствия. Таким образом, хотящий присоединяет к чувству удовольствия повелевающего еще чувства удовольствия исполняющих, успешно действующих орудий, служебных «под-воль» или под-душ, — ведь наше тело есть только общественный строй многих душ» [4, с. 45]. Переживая движение по историческому времени как социальную и личностную драму, человек-в-культуре трансформирует (среди прочего) свое ощущение «свободы воли», да и свое социальное отношение к этому экзистенциальному феномену. *Воля властвовать* сменяется социальным устремлением к совершенствованию человеческого мира (*волей участвовать*) и наконец в последней трети XX века трансформируется в *волю понимать* (в рамках общего когнитивно ориентированного процесса транссоциализации). При

этом очевидно, что все три типа реализации «свободы воли» присутствовали (и присутствуют) в процессе развития человеческого сообщества в течение длительного периода, доминируя на различных его этапах. Доминирование одного из типов реализации «свободы воли» производит трансформирующий эффект на других членов социально-культурной триады *свобода воли — когнитивные состояния (интеллектуализм) — система аксиологических констант*, сказываясь на общем характере и результатах социокультурной динамики.

Доминирующий эффект, проявляющий себя в виде социокультурной динамики, проходит пиковые моменты наиболее эффективного овладения сознанием масс, что зримо дифференцирует культурные эпохи прошлого. Так, доиндустриальный период социокультурного развития испытывал доминирование *воли к власти* (в том числе политической и экономической), что достаточно точно описано Ф. Ницше; индустриальный период социокультурного развития показал массовое пристрастие к выражению социальной воли, протестантский вариант которой описан М. Вебером; наконец, постиндустриальный период приводит социум к массовому использованию знания в экономических и социокультурных целях, что описано Мануэлем Кастельсом в терминах *информационной эпохи (эпохи знания)*. Доминирующий эффект достигается системой эффективных (для определенного периода социокультурного развития) социокультурных практик, позволяющих индивидууму осуществлять целенаправленную и результативную деятельность. В условиях постнеклассического развития мира (и = сознания) большую значимость приобретает механизм перманентной смены доминирующих акцентов или даже персонального выбора этих акцентов в ходе общего процесса деконструкции. Ж. Делез установил этот механизм как социокультурную ситуацию «утечек», которые в виде прорезей и «прорех» в стандартных и привычных параметрах мира, привычных («обычных») социокультурных практиках приводят культурное пространство в неравновесное состояние, «подталкивая» индивидуума путем смены привычного к социокультурному движению/детерриторизации: «Утечки — это примерно то же самое, что движения детерриторизации: они не предполагают никакого возвращения к природе, это пики детерриторизации в устройствах желания» [2, с. 38—39]. Утечки (когнитивные детерриторизации) обозначают путь движения воли к

своему апофеозу: признанию новой сущности социокультурной эпохи, заключающемуся в а) изменении системы идеологий; б) изменении систем управления. Можно констатировать, что в настоящее время в большинстве «развитых» стран мира продолжается апофеоз воли к социальному действию, свойственный индустриальной эпохе, а в ряде других стран все еще доминирует представление о «волении» как жажде идеологической, политической или экономической власти. Вместе с тем «утечек», свидетельствующих о переходе к массовому типу постиндустриального сознания, становится все больше¹.

Интересны и другие наблюдения в этой области. Особенно связанные с чертами универсального «игрока» социокультурной динамики — человека-в-культуре. Человек-в-культуре, описываемый в контексте социально-культурной деятельности и/или состояния (Макс Вебер, П. А. Сорокин, Т. Парсонс, М. С. Каган), порожденных стремлением к реализации воли (Ф. Ницше) и определивших основную европейскую динамику XX века, оказался в ситуации бифуркационного слома. Этот слом, свойственный ускоряющимся нелинейным системам (в том числе культуре как целому), стал проявлять себя на фоне информационного взрыва в виде деструкции неравновесных систем (А. Назаретян), в зоне действия которой оказывается и человеческая личность (А. Г. Асмолов). Можно говорить о переходе системного сознания, основанного на базовом (традиционном, упорядоченном) тезаурусе и подкрепляемого устойчивой картиной мира, в сверхсистемное состояние сознания, уже включающее в себя возможности и предпосылки интеллектуальной деятельности вне зависимости от образовательной (понимающей) этапности. Воля к познанию и деятельности, столетиями стимулировавшая человеческое развитие в условиях культурных сообществ прошлого, превращается в апофеоз воли — способность выйти за пределы существующего культурного сообщества в область моделирования новой социальности, нового тезауруса, нового культурного и языкового кода. Двойное кодирование языка — речи — сообщения (системно-языковое и одновременно культуроориентированное), известное из трудов Ф. де Соссюра, Н. Хомского или Л. Витгенштейна, преобразуется

¹ Один из ярких примеров «нового» социального поведения — монстрации: тип демонстрации без политических лозунгов, который можно условно назвать когнитивной манифестацией.

в тройное кодирование, где интегрированное речемыслительное действие выступает в виде «сразу»-текста, ориентированного на кластерные образования интеллектуального пространства культуры.

Культура современности, основанная на расширяющемся и уплотняющемся интеллектуальном пространстве, требует все больших усилий по преодолению инертности форм сознания, овладению набором эффективных интеллектуальных практик и в конце концов перестройки не только всей структуры индивидуального (и + социального) сознания, но и новых областей деятельности.

Можно выделить задачи такого развития человека:

а) задачи формирования динамичного и бесконфликтного общества развития (взамен общества индустриального типа — общества потребления);

б) задачи развития нового типа человека-в-культуре — универсального интерпретатора-исследователя, или *человека познающего*;

в) задачи развития нового способа массового освоения чувственной реальности — когнитивно-интеллектуального или интегрального (взамен сложившегося в эпоху Нового времени и Высокого Модерна конца XIX — начала XX века персоналистического или структурно-семиотического);

г) задачи формирования интегрированных кодов коммуникации, уже включающих исследовательские и проектные модели преобразования реальности, на ранних этапах обучения и самопознания личности.

Эти аспекты философско-культурологического осмысления нового облика человека-в-культуре имеют вполне ясный теоретический смысл и область своего практического применения.

В первой четверти XXI века становится все более ясным, что речь идет о быстро нарастающем и неумолимом феномене расширения сознания человека, включающего в свои *структуры понимания* все больше информационных единиц и целостных ресурсов, объединенных по функционально-сетевому и кластерному типу. Они могут обладать концентрической и/или полевой внутренней структурой, быть дискретными или дисперсными, иерархическими или распределенными. Это кажущееся смешение элементов, структур, тенденций и методов тем не менее объединяется одной доминирующей тенденцией: интеллектуализацией пространства социального

(и = индивидуального) бытия. Предугадывая этот тренд, П. Д. Успенский писал еще в 1911 году: «У человека рост сознания заключается в росте интеллекта и в сопутствующем ему росте высших эмоций: эстетической, религиозной, моральной — которые по мере своего роста все более и более интеллектуализируются, причем одновременно с этим интеллект проникается эмоциональностью, перестает быть «холодным». Таким образом, духовность есть слияние интеллекта с высшими эмоциями. Интеллект одухотворяется от эмоций; эмоции одухотворяются от интеллекта» [6, с. 150].

Описанный П. Д. Успенским «рост», или, точнее, расширение сознания, представляет собой расширение *программ деятельности*, включающих также цели, средства и единицы деятельности за счет переноса целей приложения деятельности (программ или образов будущего) (Степин, 2014, с. 94—95) с предметных на виртуальные (интеллектуальные, ассоциативно-образные, комбинированные), а модельных практик с предметных (вещных) моделей и систем на виртуальные (в т. ч. принципиально непредставимые и слабо восприимчивые) инсайтные практики. Разнонаправленность и внутренняя «неорганичность» этих практик, выросших из абстрагированных научно-теоретических систем и логических высказываний высокого уровня абстракции («приземленной в сферы деятельности»), тем более их отсутствие, могут разорвать индивидуальное сознание, неспособное усвоить и понять ризоматический калейдоскоп современности. Необходимое для выстраивания области образования единства *я-мира* (в вариантах «себя-в-мире» и «мира-в-себе») способно обеспечить обновляемые, но исторически обусловленные духовные сущности — мировоззренческие универсалии, позволяющие выстроить некоторую условную матрицу я-вещей и я-идей (в искомым вариантах «себя-в-мире» и «мира-в-себе»). В. С. Степин определяет понятие мировоззренческих универсалий следующим образом: «Мировоззренческие универсалии — это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [5, с.108]. Мировоззренческие универсалии, будучи духовными сущностями, возвращают разорванному современным информационно перенасыщенным простран-

ством индивидуальному сознанию единый осмысленный ракурс, прекращая действие следующих негативных факторов:

а) *фактора информационной глобальности* (за счет включения фильтра национально ориентированной культуры или семиосферы, по Ю. М. Лотману);

б) *фактора логико-когнитивной противоречивости* знаниевых блоков и когнитивно-семиотических сред их существования (за счет включения механизмов «больших культурных ассоциаций», абдуктивно-дискурсивных сред и инсайта);

в) *фактора социально-культурной дезориентации* деятельности и амбивалентности поведения (за счет включения универсальных аксиологических рамок).

Мировоззренческая платформа образования, состоящая, по сути дела, из интериоризированных текстовых фрагментов и ментальных схем их обобщения, имеет тенденцию к смысловому структурированию в виде индивидуальной картины мира, а потому становится обязательным элементом образования. Образование человека, повторяя исторические пути формирования современной культуры, дает человеку ресурс, когнитивную волю для *преодоления* инертности и разрывности человеческого существа как феномена природного мира. Стремясь к «чистому существованию» под влиянием, а то и наравне с Божественным Духом, человек подвергается физическому и ментальному разрушению, морально-нравственной и когнитивной деструкции тем более, чем более перестает стремиться к внутреннему преобразению (преодолению), перестает тратить свой нервно-энергетический ресурс. Человек как бы пытается обосновать себя самого в качестве *истинного бытия* и тем самым вступает на опасный путь когнитивного распада: «Пытаясь обосновать себя в качестве бытия, а не «ничто», человек уничтожил бы себя как человека, как свободу. Но достоинство человека в том, что ему ничто не дано в полной мере и всего нужно добиваться, прорываясь, надрывая душу, мучаясь, страдая» [1, с. 116]. Человек, представляя собой не только «человека в пути», но «человека карабкающегося» вверх по социально-культурной вертикали, все время стоит перед дилеммой: «включать» систему собственного преобразования, связанную с преодолением инертного течения самобытия «к смерти» и потому чрезвычайно затратную энергетически, или отдаваться ходу времени, диктующему

щему энергетически незатратную директорию само-не-обоснования. Эта альтернатива (по смыслу нравственного выбора: духовное само-строительство / духовное не-само-строительство) настолько судьбоносна для человека, что стала одной из главных тем Священного Писания. В Евангелии от Луки сказано: «Ученик не бывает выше своего учителя, но и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его» (Лук.6,40). Само-обоснование и/или само-усовершенствование в попытке *тотального преодоления* (невозможное, по нашему убеждению, вне личностного (и = когнитивного) влияния учителя-наставника) родовой недостаточности человека, выраженной в его энтропии ситуативного рассеивания и вечной незавершенности есть постижение Духа в его индивидуальном и социально-культурном исчислении. Именно антиэнтропийная деятельность культуры как гиперфеномена человеческой социальности делает возможным преодоление *роковой недостаточности* человека: «...человек является недостаточностью, онтологическим источником любой недостаточности, незавершенности, которую можно обнаружить в мире. Человек — это непрерывное преодоление любой формы существования, незавершенная распадающаяся тотальность и отрицание конкретного бытия, невозможность совпасть или отождествить себя с какой-либо реальностью, это непрерывно рассеивающаяся структура» [1, с. 117].

Движение по пути самоусовершенствования, обязательно подкрепленное участием в образовательном процессе, есть сочетание нескольких факторов:

1) реакции на понимание (иногда — простое ощущение) своей недостаточности;

2) стремления к преодолению как к проявлению внутренней свободы (свободы воли);

3) акта духовного само-строительства как возможность избежать тотальности гибели и разрушения.

В этом понимании образование (в том числе образование в науке и искусстве) является наиболее существенным феноменом культуры, определяющим онтологически обусловленное место индивидуума в структуре Космоса, а не набор принципов и постулатов гносеологического характера. Современное образование (как и магические и мифологические системы прошлого) имеет собственно культурный, а потому не только трансцендентный, но и сакральный

смысл. Можно говорить об образовании как глобальной социкультурной практике обязательного (или = желательного) самопознания человека-в-культуре — главном условии его становления.

Поэтому «предметность» образования, как и его «межпредметность», становится несущественным фактором, всецело зависящим от социальной и/или индивидуальной картины мира, доминирующих в определенный социально-культурный период развития человека и общества. Знание «не работает» как набор устойчивых истин и постулатов, оно представляет собой точку соприкосновения виртуальной реальности сознания (в виде картины мира) и виртуальности предметного текста как особого текста культуры. Мераб Мамардашвили по этому поводу писал: «...при анализе отношения «предмет—знание» необходимо учитывать, что в предмете есть особое, общественной историей науки закрепляемое содержание деятельности мысли, которое функционирует и разрабатывается внутри самой науки, и именно оно, а не безразличный к деятельности объект пассивного восприятия направляет строй мысли в процессах получения нового знания» [3, с. 22]. Когнитивное действие, направленное на самое себя, «знание для понимания», т. е. без ясной прагматической цели, является формой реализации апофеоза воли как ценностного самого по себе желания понимать всю сложность мира-в-себе и себя-в-мире. Понимать, чтобы создать основания его (мира) новой креативизации — собственно человеческой.

* * *

1. Губин В. Д., Некрасова Е. Н. Человек в трех измерениях. М.: РГГУ, 2010. 321 с.
2. Делез Ж. Мая 68-го не было. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 96 с.
3. Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. СПб: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
4. Ницше Ф. В. По ту сторону добра и зла. М.: Эксмо, 2015. 1008 с.
5. Степин В. С. Программирующие функции культуры в человеческой жизнедеятельности // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А. В. Бондарев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 91—121.
6. Успенский П. Д. Tertium organum: ключ к загадкам мира: репринтное издание. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 241 с.